

С.И. Панюта (Москва, Россия)

«Кандид» Вольтера: повесть или сказка?

Аннотация: Статья посвящена анализу философской повести Вольтера «Кандид, или Оптимизм» (1759) с точки зрения сказочного жанра. Подобный угол зрения не случаен и обусловлен, с одной стороны, историей развития сказки (*conte*) во Франции в XVII–XVIII вв., а с другой – чертами жанра, непосредственно присутствующими в повести, такими как сказочный зачин и финал, нарративная схема, в основе которой, по В.Я. Проппу, лежит функция «беды или недостачи», сказочные персонажи, а также подчеркнутое неправдоподобие изображаемого.

Ключевые слова: Вольтер, Просвещение, сказка, философская повесть, «Кандид»

Svetlana Panyuta (Moscow, Russia)

Voltaire's *Candide*: A Fairy Tale?

Abstract: This article discusses Voltaire's philosophical tale 'Candide: Optimism' (1759) in terms of the fairytale genre. This approach is not accidental as it is attributable to the evolution of fairy tale (*conte*) in 17–18th century France, on the one hand, and features of the genre in Voltaire's *Candide*, on the other hand. It starts and ends as a fairy tale, has the typical fairytale characters (a hero, princess, magical helpers), a fabulous miracle, an entirely unreal subject, and a narrative structure which, according to V. Propp, is based on the function of trouble or shortage.

Key words: Voltaire, Enlightenment, fairy tale, philosophical tale, "Candide"

XVIII век во Франции – это не только век Просвещения и век Разума, но еще и «золотой век сказки». Мода на сказочный жанр, возникшая в конце предыдущего столетия (с 1690 по 1705, согласно Ж.-П. Сермэну, или с 1690 по 1715, по мнению Р. Робер)¹, дает толчок к дальнейшему развитию жанра: в XVIII в. продолжают выходить сборники волшебных сказок, на театральных подмостках ставятся пьесы на сказочные сюжеты, а с 1704 г., после появления первого тома «Тысячи и одной ночи» в переводе Антуана Галлана, мода на феиную сказку (*conte de fées*) сменяется модой на сказку в восточном духе (*conte oriental*). Сказочный жанр пере-

¹ Подробнее см.: *Sermain J.-P.* Le conte de fées du classicisme aux Lumières. Paris, 2005. P. 18. *Robert R.* Le conte de fées littéraire en France de la fin du XVIIe siècle à la fin du XVIIIe siècle. Paris, 2002. P. 321–328.

живаает новый расцвет во второй трети века, с 1730 по 1758 г., которые также называют второй волной моды на сказку¹. В этот период на «основе» восточной сказки формируется жанр сказки пародийной и пародийно-гривуазной (*conte parodique, licencieux ou libertin*)², затем появляется нравоучительная и философская сказка (*conte philosophique et moral*), а ближе к концу века даже «аморальная», непристойная (*conte amoral, immoral*). Само жанровое наименование – *conte* – оказывается в известной степени «скомпрометированным» столь частым употреблением, поэтому нередко пародируется не только сама сказка, но и ее жанровый подзаголовок путем присоединения к нему различных эпитетов; отсюда, например, сложности в идентификации и определении жанра *conte moral*, назидательной сказки³; ср. также заголовок сборника Луи Сабастьяна Мерсье «*Les Hommes comme il y en a peu et les Génies comme il n'y en a point, les contes orientaux, persans, arabes, turcs, français, etc., les uns pour rire, les autres pour dormir debout*» – «Люди, которых очень мало, и гении, каких не существует, восточные, персидские, арабские, турецкие, французские и др. сказки, одни смешные, другие невыносимо скучные» (1776).

Более того, жанр литературной *conte* во Франции претерпевает существенные изменения с момента своего зарождения в конце XVII в. и на протяжении всего XVIII столетия. Все больше удаляясь от фольклорных основ (что было характерно для сказки конца XVII в.), сказка постепенно превращается из развлекательного салонного жанра в жанр критической оценки действительности и проверки научных истин, сохраняя при этом шуточный тон. Впитывая проблематику эпохи, отражая и преломляя культурный контекст, сказка становится своеобразным инструментом «вопрошания» мира, пространством, где сталкиваются и проверяются идеи и теории, что, в частности, наиболее ярко отражено в философской повести Вольтера (ср. «Микромегас», 1752⁴).

Как справедливо заметил А.Д. Михайлов⁵, философской повести сложно дать четкое жанровое определение, так как она объединяет черты многих жанров: рома-

¹ См.: Robert R. Le conte de fées littéraire en France de la fin du XVIIe siècle à la fin du XVIIIe siècle. P. 321–328.

² Существует некоторое расхождение в терминах, которые в отечественном и зарубежном литературоведении используются применительно к жанру пародийно-гривуазной сказки. То, что французские исследователи обозначают как *conte licencieux* («непристойная сказка») или *conte libertin* («либертенная сказка»), в отечественном литературоведении обычно называют «гривуазной сказкой» (от франц. *grivois* – вольный, игривый), иногда – «галантно-эротической» или просто галантной, реже – «фривольной». Подробнее см.: Михайлов А.Д. Французская повесть эпохи Просвещения // Французская повесть XVIII века. М., 1989. С. 11–12; Строев А.Ф. Судьбы французской сказки // Французская литературная сказка XVII–XVIII веков. М., 1990. С. 28; Robert R. Le conte de fées littéraire en France de la fin du XVIIe à la fin du XVIIIe siècle. Paris, 2002. P. 231–239.

³ Подробнее об этом см. монографию: Fourgnaud M. Le Conte à visée morale et philosophique de Fénelon à Voltaire. Paris, 2016.

⁴ «Микромегас» Вольтера – превосходный пример того, как во французской сказке XVIII в. отражались научные дебаты и открытия эпохи, казавшиеся порой новыми «чудесами»: «Так в короткое время он изъездил весь Млечный Путь, и я не вправе умолчать о том, что в просветы между звездами, коими этот последний усеян, Микромегас так и не узрел того прекрасного эмпирического неба, которое, по утверждению знаменитого викария Дерхема, было обнаружено этим последним посредством обыкновенной подзорной трубы. Я отнюдь не хочу сказать, что господина Дерхема обмануло зрение, – нет, сохрани меня бог! Но Микромегас бывал в тех местах, он внимательный наблюдатель, а я стремлюсь никому не противоречить» (Вольтер. Микромегас // Вольтер. Орлеанская девственница. Философские повести. М., 1971. С. 392–393).

⁵ Михайлов А.Д. Вольтер после 1749 г. // История всемирной литературы: В 9 т. Т. 5. М., 1988. С. 123 (feb-web.ru/feb/ivl/v15/v15-1192.htm).

на (философского, плутовского, романа-путешествия, романа воспитания), моралистического эссе, философского диалога, политического памфлета и некоторых других. Здесь можно процитировать и Андре Моруа, который довольно точно охарактеризовал этот жанр в своих «Литературных портретах»: «Философская повесть – трудный жанр, потому что это жанр-гибрид. Это и эссе, и памфлет, поскольку автор высказывает или высмеивает в нем некоторые идеи, и вместе с тем это повесть о воображаемых событиях. Но в эт[ой] [повести] нет ни строгости, присущей очерку, ни правдоподобия, как в обычном романе. Впрочем, [она] и не претендует на это, [ее] характерная черта – интеллектуальная игра ума»¹. При этом важно отметить, что философская повесть возникает на пересечении всех разновидностей сказочного жанра XVIII в., «вырастает» из них, но служит иным целям.

«Кандид, или Оптимизм» («Candide ou l'Optimisme», 1759) Вольтера создается и публикуется во время второй волны моды на сказку, и при более внимательном анализе в этой философской повести можно обнаружить черты сказочного жанра. А именно: нарочитое неправдоподобие, когда «сверхъестественные элементы» или события «не вызывают никакой особой реакции ни со стороны героев, ни со стороны имплицитного читателя»², нарративную схему, которая строится вокруг функции беды или недостачи (по В.Я. Проппу)³, условность и схематичность персонажей, а также некую вневременность изображаемого. В повестях Вольтера можно найти и более формальные признаки сказочного жанра: например, сказочный зачин («Il y avait...» – «Жил-был...» или просто «Жил...») или говорящие имена персонажей, которые могут чередоваться с более экзотичными именами на восточный манер. Посмотрим, как начинается «Кандид»:

Il y avait en Westphalie, dans le château de M. le baron de Thunder-ten-tronckh, un jeune garçon à qui la nature avait donné les moeurs les plus douces⁴.

В Вестфалии, в замке барона Тундер-тен-Тронка, жил юноша, которого природа наделила наиприятнейшим нравом⁵.

Перевод не совсем точен, более подходящим представляется вариант: «Жил-был в Вестфалии, в замке барона... юноша...». Таким образом, уже зачин дает читателю ключ к верному восприятию и пониманию произведения как вымышленного, относящегося к сказочному жанру. Однако само начало повести напоминает сказку не только зачином: перед читателем предстает замок барона Тундер-тен-Тронка, «прекраснейший и приятнейший из всех возможных замков» («земной рай»), а сам барон вместе со своей женой отчасти выполняют функции сказочного короля и его супруги, что все время шутливо обыгрывает автор: «Барон был одним из самых могущественных вельмож Вестфалии, ибо в замке его были и двери и

¹ Моруа А. Литературные портреты. Вольтер // Моруа А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. М., 1992 (www.lib.ru/MORUA/portrait.txt).

² «Волшебная сказка – всего лишь одна из разновидностей чудесного, и описываемые в ней сверхъестественные события не вызывают никакого удивления – ни столетний сон, ни говорящий волк, ни магические дары фей» (Тодоров Ц. Введение в фантастическую литературу / Пер. с франц. Б. Нарумова. М., 1999. С. 48).

³ К тому же, эта функция, по мнению Р. Робер, является жанрообразующей для волшебной сказки (Robert R. Le conte de fées littéraire en France de la fin du XVIIe siècle à la fin du XVIIIe siècle. P. 185).

⁴ Voltaire. Candide ou l'Optimisme // Вольтер. Философские повести: Сборник / Сост. В.Я. Бахмутский. На франц. яз. М., 1985. С. 189.

⁵ Вольтер. Кандид, или Оптимизм // Вольтер. Орлеанская девственница. Философские повести. М., 1971. С. 409. Далее цитируется по этому изданию.

окна», «деревенский священник был его великим милостынераздавателем», и все его слуги «называли барона монсеньором» (стр. 409).

Типичное сказочное преувеличение можно встретить и в описаниях других персонажей, а сами описания по своей структуре нередко напоминают портрет совершенств сказочного героя. Например, таким предстает Кандид – это «юноша, которого природа наделила наиприятнейшим нравом», «вся душа его отражалась в его лице». Его возлюбленная Кунигунда обладает скорее «земной» красотой: она была «румяная, свежая, полная, аппетитная» (там же), а «необычайно прекрасной», «жемчужиной среди девушек, лучшим творением природы» (стр. 415) она предстает преимущественно в глазах главного героя. (Любопытно, однако, что если в характеристике Кандида акцент сделан на его внутренних качествах, то в описании его возлюбленной – на ее внешности.) Панглосс, который «был оракулом дома», – это «величайший философ того края и, значит, всей земли» (стр. 410), а Мартен – «самый разочарованный и самый несчастный во всей... провинции» (стр. 454). При этом подобные преувеличения носят субъективный характер: читатель воспринимает персонажей со слов Кандида или Панглосса, но само повествование нередко этому противоречит. Важно также отметить, что персонажи «Кандида» лишены индивидуальности, они во многом условны, поэтому часто, по выражению А.Д. Михайлова, напоминают «марионеток»¹, и в этом тоже можно усмотреть их сказочность.

На это указывают и говорящие имена персонажей: например, имя Кандид образовано от лат. *candidus*, что в переводе означает «ослепительно белый», а вместе с тем и «красивый», «чистосердечный», «честный»; его имя также созвучно французскому слову «*candeur*» – «чистосердечие, искренность, простодушие». Панглосс – «всезнающий», «всеязыкий» (греч. *pan* – все и *glōssa* – слово), или, как о нем пишут французы – «*tout en langue*» («весь в языке»), т. е. самый разглагольствующий персонаж повести. Из второстепенных персонажей в качестве примера можно привести синьора ПококурANTE, «благородного венецианца», имя которого с итальянского можно перевести как «имеющий мало забот» (росо – мало, *curante* – забота). Отличие от *conte* XVII в. здесь лишь в том, что авторы сказок XVIII столетия, вероятно стремясь к созданию экзотического, восточного колорита, сознательно «зашифровывают» говорящие имена, нередко заимствуя слова с нужным значением из других языков (ср. имя главного героя другой повести Вольтера – Задиг, созвучное арабскому слову «мудрый, справедливый»). Однако могут и указать читателю, как следует понимать то или иное имя, что иногда делает и Вольтер: «Он судил о вещах довольно здраво и очень простосердечно; поэтому, я думаю, его и звали Кандидом» (стр. 409).

В этой повести можно встретить и не совсем обычных животных, например, красных баранов – их дарят Кандиду и Какамбо жители Эльдорадо; или обезьян – их Кандид убивает, не подозревая, что они любовники тех «девиц», которых он собирался таким образом спасти. Более того, сами герои постоянно то умирают, то неожиданно воскресают, что, скорее, характерно в большей степени для сказки, чем для какого-либо другого жанра. «Их можно истязать, жечь, и ни автор, ни читатель не испытают чувства подлинного волнения», – справедливо отмечает А. Моруа². К тому же все случающиеся с героями несчастья и катастрофы описаны так стремительно, что «не успеваешь даже погоревать»³, а их неизменная

¹ Михайлов А.Д. Вольтер после 1749 г. С. 124.

² См.: Моруа А. Литературные портреты. Вольтер. www.lib.ru/MORUA/portrait.txt

³ Там же.

связь с «материально-телесным низом» (М.М. Бахтин) лишней раз указывает на условность происходящего и игровой, пародийный характер повести. В «Кандиде» также можно обнаружить предметы, на определенном отрезке повествования выполняющие функцию волшебных, на что обращает внимание и Ф. Вернье¹: например, челнок, который доставляет героев туда, куда невозможно попасть, т. е. в Эльдорадо, и машина (вмещающая около сотни баранов!), при помощи которой герои покидают эту страну.

Нарративная схема тоже в целом соблюдена: повествование начинается с функции беды, когда Кандид вынужден расстаться со своей возлюбленной Кунигундой (его бесцеремонно выгоняет из своего замка барон, отец Кунигунды), а затем он, как и подобает сказочному герою, отправляется на ее поиски и переживает множество приключений. Старуха и Какамбо здесь играют роль волшебных помощников и нередко спасают героев из самых опасных приключений (в образе старухи можно даже усмотреть отдаленное сходство с феей-крестной, как пишет Ф. Вернье²). Заканчивается повесть также в соответствии со сказочным каноном – свадьбой героя, однако Вольтер пародирует здесь этот канон, ведь вместо того чтобы «после стольких бедствий... вести приятнейшее в мире существование», Кандид томится от скуки на маленькой ферме, лишившись всех своих богатств, а его «жена, делаясь с каждым днем все более уродливой, стала сварливой и несносной» (стр. 486). Да и в целом конец повести далек от типично сказочного «жили они долго и счастливо», ведь для этого героям «надо возделывать наш сад», что не столько опровергает сказочность финала, сколько отражает характерную для середины века игру с жанром, а вместе с тем и с горизонтом ожидания читателя. Впрочем, эта игра со сказкой прослеживается на протяжении всей повести, и многие сказочные элементы выворачиваются наизнанку: например, Кандида бесцеремонно выгоняют из «прекраснейшего и приятнейшего из всех возможных замков», тот «волшебный» челнок, который доставляет главного героя и Какамбо в Эльдорадо, разбивается о скалы, а красных баранов Кандид теряет в ходе своих дальнейших приключений.

В позднем творчестве Вольтера можно встретить и более «типичные» сказки, в более привычном понимании этого термина: например, «Белое и черное» («Le Blanc et le Noir», 1764), «Царевна Вавилонская» («La Princesse de Babylone», 1768) и «Белый бык» («Le Taureau blanc», 1774). Любопытно, что их Вольтер сочиняет уже после того, как написаны его философские повести. Однако в этих произведениях можно встретить все ту же игру с каноном, характерную для пародийной сказки, и все то же критическое описание современной автору действительности, замаскированное в экзотические «одежды», что и в других его повестях.

Ряд исследователей (например, А.Д. Михайлов, Н.В. Забабурова, Г.Н. Ермоленко³) отмечали притчевость философских повестей Вольтера, что, как нам кажется, связано скорее с тем, что в их основе лежит жанр сказки, *conte*⁴. Она хоть и

¹ Vernier F. Les disfonctionnements des normes du conte dans «Candide» // *Littérature*. 1971. № 1. P. 21. www.persee.fr/doc/litt_0047-4800_1971_num_1_1_2496

² Там же.

³ См.: Забабурова Н.В. Французский философский роман XVIII века: самосознание жанра // XVIII век: литература в контексте культуры. М., 1999. www.philology.ru/literature3/zababurova-99.htm); Ермоленко Г.Н. Формы и функции иронии в философской повести Вольтера // XVIII век: Искусство жить и жизнь искусства. М., 2004 (www.philology.ru/literature3/ermolenko-04.htm).

⁴ Это подчеркивает и Ф. Вернье: «“Кандид” вполне соответствует “нормам” [жанра] сказки» (Vernier F. Les disfonctionnements des normes du conte dans «Candide». www.persee.fr/doc/litt_0047-4800_1971_num_1_1_2496).

претерпевает изменения в течение XVIII в., но все же сохраняет основные черты жанра, такие, как, например, нарративная схема, которая может трансформироваться в мотив путешествий героя, или волшебный, сверхъестественный характер описываемых событий, который не вызывает удивления ни у героев, ни у читателя. Поэтому важно понимать, что «conte» XVIII в. если и не соответствует полностью русской «сказке», то все же отличается от «новеллы» или «повести» тем, что в сознании современников предстает как полностью вымышленное произведение. Или, как пишет Жан Сгар, если новелла была теснее связана с правдоподобием, с неким фактическим материалом, то термин сказка «выбирали, заботясь, наоборот, об утонченности, непринужденности и стиле»¹. При этом *contes* Вольтера неизменно содержат в себе философские размышления над той или иной проблемой, и рассказанная история, по мысли другой исследовательницы, М. Фурньо, является «не только иллюстрацией какого-либо тезиса, но само чтение становится формой философского опыта»².

ЛИТЕРАТУРА

Вольтер. Орлеанская девственница. Философские повести. М.: Художественная литература, 1971. 719 с.

Вольтер. Философские повести: сборник / Сост. В.Я. Бахмутский. На франц. яз. М.: Радуга, 1985. 584 с.

Ермоленко Г.Н. Формы и функции иронии в философской повести Вольтера // XVIII век: Искусство жить и жизнь искусства. М., 2004 (www.philology.ru/literature3/ermolenko-04.htm).

Забабурова Н.В. Французский философский роман XVIII века: самосознание жанра // XVIII век: литература в контексте культуры. М., 1999 (www.philology.ru/literature3/zababurova-99.htm).

Михайлов А.Д. Вольтер после 1749 г. // История всемирной литературы / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького: В 9 т. Т. 5. М.: Наука, 1988. С. 119–129 (<http://febweb.ru/feb/ivl/v15/v15-1192.htm/>).

Михайлов А.Д. Французская повесть эпохи Просвещения // Французская повесть XVIII века. М.: Правда, 1989. С. 5–22.

Моруа А. Литературные портреты. Вольтер // Моруа А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. М.: Пресса, 1992 (www.lib.ru/MORUA/portrait.txt).

Строев А.Ф. Судьбы французской сказки // Французская литературная сказка XVII–XVIII веков. М.: Художественная литература, 1990. С. 6–42.

Тодоров Ц. Введение в фантастическую литературу / Пер. с франц. Б. Нарумова. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. 144 с.

Fourgnaud M. Le Conte à visée morale et philosophique de Fénelon à Voltaire. Paris: Classiques Garnier, 2016. 675 p. (coll. «L'Europe des Lumières», no 43).

Robert R. Le conte de fées littéraire en France de la fin du XVIIe siècle à la fin du XVIIIe siècle. Paris: Honoré Champion, 2002. 576 p.

Sermain J.-P. Le conte de fées du classicisme aux Lumières. Paris: Desjonquères, 2005. 360 p.

¹ *Sgard J.* Marmontel et la forme du conte moral // De l'Encyclopédie à la Contre-Révolution. Jean-François Marmontel (1723–1799) / Ed. Jean Ehrard. Clermont-Ferrand, G. de Bussac, 1970. P. 230.

² *Fourgnaud M.* Le Conte à visée morale et philosophique de Fénelon à Voltaire. Thèse en doctorat de Lettres Modernes. Bordeaux, 2013. P. 21.

Sgard J. Marmontel et la forme du conte moral // De l'Encyclopédie à la Contre-Révolution. Jean-François Marmontel (1723–1799) / Ed. Jean Ehrard. Clermont-Ferrand, G. de Bussac, 1970. P. 229–237.

Vernier F. Les disfonctionnements des normes du conte dans «Candide» // Littérature. 1971. № 1. P. 15–29 (www.persee.fr/doc/litt_0047-4800_1971_num_1_1_2496).

REFERENCES

Voltaire. (1985) *Philosophical Tales*. Moscow. Raduga Publ. 584 p.

Voltaire. (1971) *The Maid of Orleans. Philosophical Tales*. Moscow. Khudozhestvennaya Literatura Publ. 719 p.

Ermolenko G.N. Forms and Functions of Irony in Voltaire's *Philosophical Tales*. In: *The 18th century: The Art of Living and The Life of Art*. Moscow. 2004 (www.philology.ru/literature3/ermolenko-04.htm).

Zababurova N.V. The 18th century French *Philosophical Novel: Identity of the Genre*. In: *The 18th century: Literature in the Context of Culture*. Moscow. 1999 (www.philology.ru/literature3/zababurova-99.htm).

Mikhaylov A.D. Voltaire after 1749. In: *History of World Literature: In 9 vols. Vol. 5*. Moscow. Nauka Publ., pp. 119–129 (feb-web.ru/feb/iv1/v15/v15-1192.htm).

Mikhaylov A.D. The French Novella in the Age of Enlightenment. In: *French Novella of the 18th century*. Moscow. Pravda Publ. pp. 5–22.

Maurois André. (1935) *Voltaire*. Paris. Gallimard. 139 p.

Stroev A.F. The Fortunes of the French Fairy Tale. In: *17–18th century French Literary Tale*. Moscow. Khudozhestvennaya Literatura Publ., pp. 6–42.

Todorov Tzvetan. (1970) *Introduction à la littérature fantastique*. Paris. Editions du Seuil. 192 p.

Fourgnaud Magali. (2016) *Le Conte à visée morale et philosophique de Fénelon à Voltaire*. Paris. Classiques Garnier. 2016. 675 p. (coll. "L'Europe des Lumières", no 43)

Robert Raymonde. (2002) *Le conte de fées littéraire en France de la fin du XVIIe siècle à la fin du XVIIIe siècle*. Paris. Honoré Champion. 576 p.

Sermain Jean-Paul. (2005) *Le conte de fées du classicisme aux Lumières*. Paris. Desjonquères. 360 p.

Sgard Jean. Marmontel et la forme du conte moral. En: *De l'Encyclopédie à la Contre-Révolution. Jean-François Marmontel (1723–1799) / Ed. Jean Ehrard. Clermont-Ferrand. G. de Bussac. 1970, pp. 229–237.*

Vernier France. Les disfonctionnements des normes du conte dans "Candide". *Littérature*. 1971. No 1, pp. 15–29 (www.persee.fr/doc/litt_0047-4800_1971_num_1_1_2496).

Сведения об авторе:

Светлана Игоревна Панюта,
канд. филол. наук
сотрудник
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Svetlana I. Panyuta,
PhD
Employee
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
lanaflower@gmail.com